

Светлана Алешина

Когда зацветет папоротник

Часть сборника
Двуликий ангелочек (сборник)

Папарацци

Светлана Алешина

Когда зацветет папоротник

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Когда зацветет папоротник / С. Алешина — «Научная книга»,
1999 — (Папарацци)

«...– Потому что искать нам нужно не убийцу Фомина, – сказал Кряжимский и сделал долгую эффектную паузу.– А кого же, в таком случае? – не выдержала я.– Не кого, а что! – заявил Сергей Иванович, глядя на меня заблестевшими глазами. – Клад! Сокровища Разина! Поэтому и не надо сообщать ни о чем милиции. После того как мы найдем сокровища – пожалуйста. Неужели вы думаете, что нам позволят этим заняться, если мы скажем истинную причину смерти Фомина!– То есть – клад? – уточнила я.– То есть – клад! – повторил он утвердительно...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Светлана Алешина

Когда зацветет папоротник

Глава 1

Открытку, только что полученную от Маринки с Виктором из Карелии, я успела дочитать только до половины. Маринка бисерным почерком подробно расписывала, как ей нравится путешествовать с Виктором на байдарке по карельским озерам и какой чудный городок Калевала на озере Среднее Куйто, и что они с Виктором правильно сделали, что не поехали на Канарские острова, как я им предлагала, а выбрали Карелию, и что никогда в жизни она не думала... О чем именно она никогда в жизни не думала, я так и не узнала, потому что, когда я дочитала до этого места, зазвонил телефон.

– Алло! Редакция газеты «Свидетель». Главный редактор Ольга Бойкова. Представьтесь, пожалуйста...

Ответ, который я услышала, заставил меня забыть об открытке и о самой Маринке, отправившейся с Виктором в свадебное путешествие.

– Капитан Барулин, уголовный розыск. Вы можете подтвердить личность подростка, назвавшегося Романом Тихоновым? Не хотелось бы его задерживать, но у него нет с собой никаких документов...

– Ромка? – воскликнула я. – Вы его задержали? А что случилось?

– Ну, если он действительно Роман Тихонов из художественного училища, то с ним ничего особенного не случилось. И мы его тотчас отпустим. Вы не могли бы приехать сюда и посмотреть на этого Романа?

– Куда? – немедленно спросила я.

– В художественный музей, – ответил капитан. – Он сейчас закрыт, скажете, что я вас вызвал, вас ко мне проведут.

– Я приеду через десять минут, – ответила я. – Но вы уверены, что с Ромой все в порядке?

– Да не волнуйтесь, все в порядке, – усмехнулся капитан, но все же добавил: – Если это, конечно, он...

Услышав, что меня вызвал капитан Барулин, стоящий у входа в музей сержант милиции разрешил мне войти и сообщил, что капитана я найду в кабинете директора.

– Что случилось-то? – спросила я у него.

– Идите, девушка, идите, – ответил сержант. – Капитан вам расскажет, если сочтет нужным.

В огромном зале музея на втором этаже, через который нужно было пройти, чтобы попасть в кабинет директора, кроме двух милиционеров, разглядывающих портрет императрицы Екатерины Второй, никого не было. Они проводили меня глазами, но не остановили.

Дверь в кабинет была открыта, и в тишине пустого музея далеко было слышно, как мальчишеский голос произнес фразу:

– Я же вам говорил, Павел Васильевич, что я видел его сегодня утром, мы с ним работали в третьем фонде, разбирали, что уцелело после потопа.

«Это Ромка! – узнала я. – Кого он видел-то?»

– Константин Дмитрич ушел часов в двенадцать, – продолжал Ромка, когда я уже подходила к двери кабинета. – А я остался дальше работать. В три закончил, пошел домой, а когда из музея вышел, меня ваши милиционеры остановили...

В этот момент я вошла в кабинет.

За столом директора сидел капитан милиции, очевидно, тот самый, который попросил меня сюда приехать. С другой стороны стола, спиной ко мне сидел Ромка, я сразу узнала его вихрастый затылок и слегка оттопыренные уши. Да и куртка на нем была та самая, в которой он появлялся вчера в редакции.

Когда я вошла, капитан внимательно на меня посмотрел, стараясь понять, узнала я сидящего перед ним подростка или нет.

– Рома? – сказала я, и он тут же резко повернулся на мой голос. Я посмотрела на капитана: – Что случилось?

– Я лучше отвечу на ваш вопрос. – Капитан показал Ромке на дверь. – Иди, парень, подожди там, пока мы тут переговорим.

Ромка вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь. Музейная тишина вообще не располагала к резким движениям, но мне показалось, что на этот раз она в музее прямо-таки гневу.

– Так это действительно Рома Тихонов? – спросил меня капитан.

– Да, это он, – пожала я плечами. – Вы обещали объяснить мне, в чем дело.

– Я, собственно, был почти уверен, что он не врет, – сказал капитан. – Почти. Но убедиться было необходимо. Он говорит, что мать в больнице, в училище нет сейчас никого, каникулы, и назвал вас, редактора газеты, в которой он якобы работает внештатным корреспондентом. Но документов при нем никаких, а история тут произошла слишком серьезная – убийство.

– Надеюсь, он не имеет к нему отношения? – спросила я. – Я могу лишний раз подтвердить, что это и в самом деле Рома Тихонов, что знаю его уже с полгода, что он сотрудничает с нашей газетой. Вот его карточка. Мы на каждого внештатника заводим карточки, где отмечаем их публикации. Ну, знаете, чтобы не забыть об их хороших материалах и помнить о неудачных.

Я достала из сумочки карточку и положила на стол перед Барулиным. Он мельком посмотрел на наклеенную на ней фотографию и, кивнув головой, подвинул карточку опять мне.

– Спасибо, это мне не нужно, – сказал он. – К убийству ваш Роман Тихонов, к счастью, отношения не имеет. Но последние дни именно он работал с убитым, и, естественно, я надеялся, что он хоть как-то прояснит картину.

Капитан вздохнул.

– Но он ничего существенного нам не сказал. Можете его забирать. Извините, что пришлось вас побеспокоить.

– А кто убит? – спросила я.

– Только прошу вас, без всяких домыслов, – капитан поднял на меня глаза. – Только известные вам факты. Я имею в виду, если будете об этом писать.

Я хотела уже возмутиться, но капитан понял сам, что сказал лишнее, и тут же поправился:

– Впрочем, боюсь, мои опасения напрасны. Вашу газету я знаю, вы никогда этим не грешите. Так вот, убит художник Константин Дмитриевич Фомин. В двух шагах от музея, в сквере...

– Но при чем здесь Рома? – перебила я его. – Почему вы его задержали?

– Ни при чем, – вздохнул капитан. – А задержали мы не одного его, а всех, кто оказался около места убийства без документов.

– Так что же там произошло? – спросила я. – Нашли убийцу?

Капитан посмотрел на меня устало.

– Скорее всего случайная пьяная драка, – сказал он. – Рядом с убитым лежала пустая бутылка вина «Анапа», объемом ноль-семь литра.

«Понятно, – подумала я. – Не нашли и теперь уже не найдут никогда».

– Не смею вас больше задерживать, – сказал мне капитан и встал. – Не забудьте захватить с собой своего внештатного корреспондента. И посоветуйте ему всегда носить с собой хотя бы редакционное удостоверение.

Ромка ждал меня в том же зале, где слонялись два милиционера. Он сидел на стуле петровских времен и смотрел в одну точку на полу.

– Пошли, – сказала я ему. – Домой сегодня не пойдешь. Нечего там в одиночку куковать. У меня или у Сергея Ивановича переночуешь.

– Лучше у тебя, – буркнул Ромка. – Кряжимский – зануда!

– Не хами, – сказала я. – Он не зануда, а старый холостяк... К матери завтра пойдешь, не рассказывай ничего, незачем ее волновать.

– Сам знаю! – ответил Ромка.

– Роман! – сказала я. – Я ведь обижусь – тебе же хуже будет. Начнешь ко мне подлизываться.

– Да что вы все – «Роман! Роман!», – выкрикнул Ромка. – Почему он мне не поверил?! Зачем он тебя вызвал? Я назвал ему свое имя! Я же не соврал!

– А почему он должен был тебе верить? – возразила я. – И вообще, Ромка! Перестань себя вести как капризный ребенок! А то пойдешь ночевать к Кряжимскому... И будешь весь вечер слушать его поучения и наставления, а всю ночь – его храп.

Ромка был самым младшим членом нашего небольшого коллектива, и все мы считали своим долгом шефствовать над ним.

Самый старый из наших мужчин и самый опытный из журналистов, Сергей Иванович Кряжимский, постоянно нагружал его всевозможной информацией, которой он был просто переполнен, и без устали внушал ему одну и ту же, самую главную, как ему казалось, мысль – «Информация – превыше всего! Кто владеет информацией, тот владеет ситуацией!».

Виктор, молчаливый, лаконичный и спокойный, обучал его искусству делать отличные снимки в любое время суток и при любой погоде, а также чувствительно избивал его иногда, демонстрируя по просьбе Ромки боевые приемы всевозможных восточных единоборств.

Моя секретарша и подруга Марина пыталась привить Ромке любовь к литературе вообще и к своему любимому Гете – в частности.

Я... С Ромкой я пережила один из самых, пожалуй, острых моментов моей душевной биографии. Познакомившись с ним случайно при расследовании одного дела, я привязалась к этому юноше, почувствовав, что хочу именно такого сына, как он. К счастью, я быстро поняла, что мне не следует привязываться к нему слишком сильно, хотя бы потому, что у него есть родная мать. И с тех пор старалась держать его на средней дистанции, уменьшение ее не принесло бы ничего хорошего ни мне, ни ему.

Но в процессе его воспитания я делала, по-моему, наиболее ответственную и тонкую работу – учила его быть самостоятельным, воспитывать в себе мужчину, избавляться от зависимости от матери.

Этим мы занимались изо дня в день, не особенно замечая, как Ромка растет и взрослеет. А уж когда его мать попала в больницу с микроинфарктом, мы совсем набросились на Рому и просто затерроризировали его своими поучениями и советами. Он как мог от нас отбивался, даже в редакции стал появляться реже с тех пор, как мать в больницу отвез. Пропадал в музее целыми днями.

В музей его направили из художественного училища вместе с еще двумя десятками второкурсников, по просьбе директора музея.

Месяц назад в музее, построенном еще в прошлом веке, прорвало водопроводную трубу, горячая вода затопила подвал, где располагались запасники. Воду откачали, но экспонаты, среди которых, впрочем, не было ничего особо ценного, большей частью пришли в негодность.

Директор направила в подвал «аварийную команду» в составе художника, которого она временно приняла на место уволенного после аварии завхоза, и двух десятков бесплатных помощников для него, мобилизованных в училище. Но как только в училище начались каникулы, помощники просто исчезли. В музей продолжал ходить один Ромка.

Вдвоем они разбирали завалы испорченных горячей водой картин, рисунков, изделий прикладного искусства, костюмов и прочих экспонатов.

Это был так называемый «фонд неатрибутированных предметов искусства», сформированный еще в начале века в другом музее, краеведческом, в художественный попавший случайно и обреченный на забвение после того, как в тридцатые годы из него было выбрано все мало-мальски ценное.

Директор музея даже рада была произошедшей аварии, поскольку у нее появился повод избавиться наконец от этого фонда и занять подвал более ценными экспонатами, после соответствующего ремонта конечно. Запасники музея были переполнены, а расширить помещения каким-либо иным образом у музея не было возможности.

Но все подряд выбрасывать она тоже не рискнула, поэтому и пригласила Константина Дмитриевича Фомина руководить очисткой подвала. Он должен был проследить за тем, чтобы под горячую руку не было выброшено что-то ценное. Представления о художественных ценностях несколько изменились с тридцатых годов.

Ромке эта работа нравилась, а особенно нравилось работать с Фоминым, который относился к нему без всякого высокомерия, как к равному, признавал за ним право называться «художником», а не чернорабочим, направленным на расчистку подвала.

Ромка и впрямь был способным рисовальщиком, легко находил композиционное построение произведения, тонко чувствовал линию и игру светотени. Ничего более-менее серьезного Ромка нарисовать пока еще не успел, но потенциал в нем чувствовался, и за этот потенциал Фомин Ромку и уважал. Как художник художника.

Смерть Фомина подействовала на Ромку угнетающе. Всю дорогу от музея до редакции он промолчал, а когда мы с Сергеем Ивановичем усадили его за Маринкин стол в приемной и принялись выпытывать подробности, угрюмо смотрел прямо перед собой, не видя, как мне показалось, и не слыша нас с Кряжимским.

В себя его удалось привести только тогда, когда Кряжимский, крикнув по-стариковски, принес из своего кабинета бутылку французского коньяка и мы заставили Ромку выпить граммов сто. Его немного развезло, но он ожил и начал разговаривать. Я попросила рассказать его, чем они с Фоминым занимались в последние дни – конкретно, – какие экспонаты отбирали для хранения, что они выбросили, словом, все, что помнит.

Мне очень уж не хотелось, чтобы Ромка сидел в оцепенении, пусть лучше говорит любую ерунду, лишь бы не молчал угрюмо.

Ромка перечислял все свои занятия в музее за последнюю неделю, и я удивилась, сколько всего хранилось в этом забытом богом и музейными работниками фонде.

К произведениям искусства причислялись, если верить Ромкиному рассказу, разрушенные коррозией медные кресты и иконки-складни с полностью обколовшейся эмалью, почти дотла съеденные молью пуховые платки, резные наличники и ставни, дерево которых почернело и растрескалось, сатирические плакаты тарасовских «окон РОСТА», выполненные в манере а-ля Маяковский, фрагменты чугунных решеток, неосуществленные архитектурные проекты, дипломные работы первых выпускников Тарасовского художественного училища, огромное количество рисунков, набросков, эскизов непрофессиональных художников. Попадались иногда среди них и полностью законченные картины, люди на которых, по Ромкиным словам, имели непропорционально большие головы и очень неестественные позы.

Он даже пожаловался, что Фомин отругал его, когда Ромка, делая копию одной картины, немножко исправил огрехи безвестного самодеятельного художника в изображении человеческой фигуры.

– У меня намного лучше получилось, – обиженно сказал Ромка. – А он говорит – тебя просили копию сделать, а ты что? Мастерство свое решил показать? Мастерство, говорит, в

том, чтобы сделать копию, которую невозможно отличить от оригинала. Переделывать заставил. Все утро сегодня с этой дурацкой картиной провозился.

– А зачем вообще копию нужно было делать? – спросила я только для того, чтобы что-нибудь спросить и дать почувствовать Ромке, что меня очень интересует его рассказ.

Ромка пожал плечами.

– А я знаю? – ответил он. – Я тоже Фомину говорю – зачем время на эту копию тратить? Давайте, Константин Дмитрич, саму картину отдадим, все равно ничего в ней ценного нет, мазня какая-то. А он уперся, нет и все! Делай копию. Я, говорит, эту картину у одного из водопроводчиков с боем отобрал, он ее «на память» хотел прихватить. Все равно, мол, выбрасывать. Ценности в ней, конечно, никакой, но тогда зачем она ему понадобилась? Дмитрич сказал, что водопроводчик ему даже деньги за нее предлагал, но он не взял. Из музея, говорит, не могу ничего продавать, даже мусор. Если мусор из музея, говорит, кто-то хочет купить, значит, он имеет ценность.

– А что за картина-то, Ром? – полюбопытствовал Сергей Иванович.

– Да так, ни то ни се, – скривился Ромка. – Сидит мужик какой-то на обрыве, смотрит вниз. Рядом еще двое спят. Под обрывом речонка какая-то, но точно – не Волга, узкая больно. Голова у мужика – как кочан капусты, плечи – тоже широченные, руки длиннющие, особенно левая, а ножки – как у лилипута. Я и подправил-то всего чуть-чуть, а он говорит – переделывай, меня просили копию вот этой картины сделать, а у тебя другая получилась.

– Водопроводчик, что ль, просил? – хмыкнула я. – Так ему понравилась эта картина, что он даже копию Фомину заказал? Бывают же такие водопроводчики – с искусствоведческим уклоном!

– Не-е-ет, – покачал головой Ромка. – Дмитрич сказал, что копию ему какой-то краевед заказал. Уже после того, как водопровод починили.

– Дмитрич его, что же, прямо в подвал приводил? – спросила я, по репортерской привычке уточняя не совсем понятные мне детали. – Показывал все ваши подмоченные богатства?

– Нет, – в голосе у Ромки появилось недоумение. – Не показывал. Дмитрич сказал, что этот краевед ему точно описал, какая картина его интересует...

– Странно, – сказала я. – Откуда же тогда он узнал, что там хранилась эта никому не известная, никому не нужная картина. По-моему, ты минуту назад сказал, что Фомин назвал ее мусором.

– Не знаю, – пожал плечами Ромка.

– Боюсь, что картина, о которой рассказывает Рома, кому-то все же очень нужна, – заявил неожиданно Сергей Иванович.

Мы с Ромкой в недоумении уставились на него.

– Что вы имеете в виду? – спросила я.

– Я имею в виду, что речь скорее всего идет об одной знаменитой в наших местах картине, которая вот уже лет шестьдесят считается пропавшей, – сообщил нам Сергей Иванович. – И не смотрите на меня так странно... Я помню, как еще студентом наткнулся в старых подшивках областной газеты на очень мрачную историю, в которой эта картина – а я теперь сильно подозреваю, что Рома снимал копию именно с нее, – фигурировала в качестве, если можно так сказать, главной героини.

– Что за история? – спросила я.

– История с убийствами, арестами и расстрелами. Впрочем, в те времена убивали часто, а расстреливали еще чаще, – ответил Кряжимский. – Я не совсем уверен, что точно помню дату, память у меня на числа что-то слаба стала, но, кажется, случилось все это году в двадцать девятом – тридцатом, во времена массовой коллективизации.

Некто Семен Фролов из села Терновка Баландинского уезда, зачисленный в кулаки, в знак протеста порезал всю свою скотину в количестве двух коров, лошади и десятка овец.

Самого Фролова расстреляли, а семью его выслали в Сибирь, разрешив забрать только личные вещи.

Жена Фролова, то есть уже вдова, кроме разрешенных предметов личного обихода,хватила и эту картину, которая досталась ее мужу от его отца, ходившего в молодости с бурлаками от Астрахани до Нижнего. До Сибири, однако, Фроловы не доехали.

В Орске – это километров триста к востоку от Оренбурга по железной дороге – Фролова заболела тифом и вместе с двумя взрослыми уже, на выданыи, дочерьми и пятилетним сыном была высажена из товарного состава и отправлена в так называемый тифозный барак. В бреду она все повторяла, что завещает сыну Степе сохранить картину и найти клад, путь к которому эта картина якобы укажет.

Когда она пришла в себя, ее спросили о картине и кладе, но она только смотрела на окружающих с ненавистью, прижимала к себе свои узлы и молчала...

Сергей Иванович перевел дух, сделал маленький глоточек коньяка, подержал его во рту, проглотил и продолжил. Мы с Ромкой слушали с интересом.

– А ночью кто-то зарезал Фролову и все ее семейство, а вещи украл, – сообщил Сергей Иванович. – Наверное, на клад позарился, о котором Фролова в бреду говорила. Скорее всего кто-то из обитателей того же самого тифозного барака. Но и убийце не судьба была в живых долго ходить. Через день нашли его на вокзале умершим от тифа, не успел уехать. При нем нашли и вещи, украденные у убитых им Фроловых. Вещи сожгли, а картину решили передать в Оренбургский музей, вдруг, мол, что-то ценное.

Когда она попала в Оренбург, ее показали известному в то время на Урале профессору живописи Мордовцеву. Он даже руками всплеснул, когда ее увидел.

Этой картине, говорит, цены нет. Про нее среди уральских казаков легенды ходят. Ее якобы нарисовал то ли один из «генералов» Разина, то ли сам Степан Тимофеевич. И что указывает эта картина на место, где Разин спрятал большую часть казны своего войска, пушки перед походом на Москву хотел купить.

Об этом рассказывают из поколения в поколение в селах, где живут уральские казаки. На вопрос, не может ли быть в самом деле связана эта картина каким-либо образом со спрятанными Разиным сокровищами, профессор Мордовцев рассмеялся и ответил, что русский народ любит сказки, часто сам их сочиняет и свято верит в реальность существования придуманных им самим леших, водяных, ведьм, домовых и прочей нечисти.

Почему бы, в таком случае, не верить и в клад, зарытый Разиным перед походом на Москву?

Мордовцев сказал, что картина не имеет художественной ценности, поскольку написана человеком, ничего не знавшим ни о перспективе, ни о пропорциях, но, вполне возможно, что она представляет собой историческую ценность, если только удастся установить время ее написания и какую-то связь с разинским восстанием.

Но Мордовцев примерно через месяц был арестован, поскольку выяснилось, что его сын, штабс-капитан царской армии Николай Мордовцев, руководил в начале двадцатых бандой, промышлявшей под Оренбургом.

Имущество его было описано, частью распродано, частью расплзлось по семьям офицеров НКВД. Картина попала к большому любителю старины комиссару Штапову. Он повесил ее у себя над обеденным столом и не боялся никаких провокаций и доносов со стороны сослуживцев – ведь на картине, если верить преданию, изображен был сам Степан Разин, а это имя тогда было в чести – защитник угнетенных, борец против царского самодержавия, а что кровь лили реками, так это – за правое дело.

Году в тридцать втором Штапова перевели в Тарасов, куда он и переехал со всей своей семьей – женой, дочерью и сыном.

Работа у него была разъездная, большей частью – умирительная. Но в одной из деревень голодающего в то время Поволжья он был зверски убит потомками тех самых угнетенных, картина защитника которых висела над его обеденным столом. Жена его к старине относилась с гораздо меньшим трепетом, она распродала вещи и отправилась с семьей к родственникам в Питер, где и прижилась.

В тридцать восьмом она навещалась в Тарасов, чтобы попытаться вернуть себе квартиру, которую бросила в Тарасове после смерти мужа. Но из этой попытки ничего не вышло.

Приезжала она как раз во время празднования двадцатилетия образования ВЧК, ее погибший муж был отнесен к разряду героев, и ее подробно расспрашивали о нем газетчики. Тогда-то она и рассказала все, что знала об этой картине. Аркадий Данилов-Тарасовский – был в то время такой известный в городе репортер – попытался разыскать картину, но ему это так и не удалось.

Штапова вспомнила, что картину купил у нее один из сотрудников Тарасовского краеведческого музея, но фамилии его она не знала.

Данилов-Тарасовский облазил все фонды в краеведческом музее, хранилище в художественном, в который в начале тридцатых была отправлена часть фондов музея краеведческого, но картину ему найти не удалось, и он объявил ее пропавшей.

Но, судя по тому, что рассказал Рома, картина вовсе не пропала, а была похоронена в подвале художественного музея. И если бы не копия, которую с нее делал Рома, про нее так бы никто и не вспомнил...

– Но раз кто-то заказал копию, – возразила я, – значит, о том, что картина хранится в музейном подвале, кто-то знал. Мне, правда, не совсем понятно, зачем этому краеведу понадобилась копия картины, которая никакой ценности не имеет.

– Э-э, не скажи, Оленька, – ответил мне Сергей Иванович. – Не забывай, что речь идет о сокровищах самого Разина. Про то, как он расправлялся с купцами и боярами, мало кто в России не слышал. Но что-то не припомню, есть ли где упоминания о том, что кому-то удавалось найти разинские клады.

– Может быть, он и не закапывал никаких кладов? – спросила я.

– Ну, это, знаете ли, предположение в духе нравственной доктрины времен развитого социализма, – улыбнулся Кряжковский. – Раз, мол, боролся за освобождение крестьян, то и никакой корыстью озабочен не должен был быть, о деньгах не думал. Этаким, понимаете ли, воинствующим гомосоциализм...

– Не поняла вашей ассоциации, – сказала я. – При чем здесь?..

– Извращение потому что! – буркнул Сергей Иванович. – У нас историю каждый сочиняет по-своему, как ему нравится. Захочет, Емелья Пугачева благородством наделит, как любили наши классики делать, захочет – из батки Махно народного героя изобразит. Как уж тут Разина народным заступником не сделать! А народные заступники всегда питали отвращение к идее личного обогащения, это у них в природе заложено!

– Насчет Пушкина вы, Сергей Иванович, между прочим, не правы! – возразила я. – У Пушкина благородство Пугачева выглядит как каприз какой-то, не больше. А Разина сам народ своим заступником считал, вспомните песни о нем, их не один человек сочинял.

– Песни! – фыркнул Кряжковский. – Да народу больше всего запомнилось, как он с беспомощной женщиной расправился! Я понимаю, конечно, этот акт злодейства всем понравился: и мужикам, которых жены всю жизнь пилят, и бабам русским – княжна-то была персиянкой. Значит, туда ей и дорога, не будет русских мужиков соблазнять. В этой песне, если хотите, выражена идея охраны русского генофонда! Очень агрессивная, заметьте, идея!

Ромка слушал нашу болтовню отрешенно, уйдя в себя, и я начала опасаться, что образ убитого Дмитрича опять заслонил ему весь белый свет.

Но оказалось, его мысли приняли совсем иное направление, причем довольно неожиданное как для меня, так и для Кряжимского.

– Послушайте! – сказал вдруг Ромка. – Я теперь понял! Константина Дмитриевича из-за этой картины убили! Это точно!

Я тут же насторожилась. Сами понимаете, почему. Ромка тоже имел самое непосредственное отношение к картине, копию с нее снимал, и если убили художника Фомина действительно из-за картины, то и Ромке, выходит, грозит нешуточная опасность.

– Почему ты так думаешь? – спросила я.

– Потому что утром я закончил копию переделывать, – сказал Ромка, – а в двенадцать он ее забрал и понес этому краеведу отдавать. Он еще сказал, что быстро вернется, они недалеко от музея договорились встретиться. Дмитрич на встречу с ним пошел в скверик, где его убили! Копию в рулончик скатал, в портфельчик свой потертый сунул и говорит: «Сейчас с гонораром вернусь, пойдем пиво пить». Я его ждал, а потом подумал, что он решил без меня пиво пить, и даже обиделся немного. А когда из музея вышел, смотрю, пусто как-то в скверике, обычно в Пьяной аллейке алкашей полно, а сейчас что-то нет ни одного. Я еще присел на лавочку покурить, а ко мне из кустов два милиционера. Ваши документы, говорят! А у меня нет никаких...

– Вспомни, Ром, а этот краевед... Он при тебе приходил к Дмитричу копию заказывать? Ты не помнишь, как он выглядел? – перебила я его.

– Да он вообще не приходил! – сказал Ромка. – Да и не пускают никого посторонних в подвал. Туда чтобы попасть, нужно через хранилище пройти, а в нем знаете какие ценные картины хранятся. А тут еще после аварии – вообще фонды закрыли, даже для специалистов. Директор сказала, что, пока не ликвидируют аварийную ситуацию, никого в фонды не пустит! Это она на мэрию так давит, хочет попробовать еще одно помещение для музея выбить, мне Дмитрич так объяснил.

– Ты, значит, не видел этого краеведа? – спросила я. – И как он выглядит, не знаешь?

– Нет, – помотал головой Ромка. – Не знаю.

– Прекрасно! – сказала я таким тоном, что и Ромка, и Сергей Иванович поняли, что ничего прекрасного я на открывающемся перед Ромкой горизонте не вижу. – Ты капитану этому, что меня в музей вызывал, об этом рассказывал? О копии, которую Фомин с собой унес?

– Нет, – ответил Ромка. – Он же ничего про картину у меня не спрашивал, а я и забыл совсем, что Дмитрич с копией ушел.

– Он тебе телефон свой дал? – спросила я. – Должен был. Капитаны милиции всегда оставляют свои визитные карточки свидетелям, на случай если они что-нибудь вдруг вспомнят еще.

– У него визитки не было, – сказал Ромка. – Он мне на клочке бумаги номер написал. А что, позвонить ему, рассказать про копию?

– Я сама капитану позвоню, – сказала я. – Набери номер.

Ромка еще раз посмотрел в свою бумажку и набрал шесть цифр.

– Капитан Барулин слушает! – раздался в трубке мало похожий на тот, что я сегодня слышала в кабинете директора музея, голос.

Я представилась и прежде всего уточнила одну небольшую деталь, которая вызывала у меня некоторые недоуменные вопросы.

– Простите, капитан, вы сказали, что рядом с убитым сегодня возле музея Фоминым нашли пустую бутылку из-под «Анапы»... Больше ничего не нашли?

– А что-то должно было быть еще? – насторожился капитан. – Что вы имеете в виду?

– Да нет, ничего особенного, – смутилась я, мне почему-то не очень хотелось спрашивать капитана вот так в лоб о копии, сделанной Ромкой, – пришлось бы отвечать на многочисленные вопросы, а я и сама немного пока понимала. – Просто Рома приносил сегодня Фомину свои

этюды, чтобы тот посмотрел. Фомин взял их с собой домой, они у него в стареньком, потертom портфельчике лежали...

– Но рядом с ним никакого портфельчика найдено не было, – сказал капитан. – Впрочем, возможно, его прихватил убийца... Послушайте, а этот Роман Тихонов сейчас у вас, что ли?

– Да, – ответила я, – он сидит у нас в редакции.

– Вы не могли бы ему трубочку дать? – попросил капитан Барулин.

Я протянула трубку Ромке.

– Я слушаю! – сказал Ромка. – Что? Простите, слышно плохо. Что еще было в портфеле? Копия...

Договорить он не успел. Сергей Иванович нажал на рычажки и взял трубку у Ромы.

– Что вы делаете, Сергей Иванович? – возмутилась я. – Он же не договорил!

– Вот и не нужно договаривать! – возразил Сергей Иванович. – Не думаю, что нужно спешить с таким делом, как приглашение милиции. Я всегда сомневался и сейчас сомневаюсь – и в ее уме, и в ее порядочности. И поверьте, у меня есть для этого основания.

– Вашим основаниям уже полвека! – воскликнула я. – А вы все не можете забыть, как вас пытались завербовать в сексоты!

– Меняется время, но не люди! – возразил Сергей Иванович, все еще держа трубку в руках. – Если полвека назад подлость была самым распространенным приемом работы милиции, то и сейчас она из нее не исключена, я в этом уверен.

– А я не уверена, – воскликнула я. – Я знакома с некоторыми из тех, кого вы так безапелляционно называете подлецами. Но клянусь, не могла бы о них сказать то, что сейчас сказали вы!

– «Не клянись, ибо отречешься!» – так, кажется, сказано? – спросил Кряжимский.

– Не знаю! – отрезала я. – Положите, пожалуйста, трубку. И пусть Рома подробно расскажет нам об этой злосчастной копии.

– Положу, но только после того, как Рома даст обещание не рассказывать о ней капитану милиции, – заявил вдруг Сергей Иванович.

– Почему? – искренне удивилась я. – Неужели вы считаете...

– Что я считаю, я скажу, как только Рома пообещает мне то, о чем я его просил, – поставил ультиматум Кряжимский.

Я человек довольно-таки нетерпимый и сама о себе это знаю. Но это знание помогает мне иногда проявлять терпение. Можно было, конечно, заставить сейчас Кряжимского не только трубку положить, но и номер Барулина набрать.

Но я не люблю давить на людей. Мне нравится, когда люди проявляют самостоятельность и свою личную волю. Особенно люди, к которым я отношусь хорошо. Такие, как, например, Сергей Иванович Кряжимский.

– Рома! – сказала я. – Пообещай ему, наконец!

– Да ладно, – сказал Ромка в недоумении, – могу и не говорить...

– Отлично! – сказал Кряжимский и положил трубку на рычаг телефона.

Телефон тут же зазвонил. Я решила ответить сама.

– У вас телефон неисправен! – заявил мне недовольным голосом капитан Барулин. – Я не закончил разговор с вашим внештатным парнем.

– Он мне сказал, о чем вы его спрашивали, – подхватила я. – Но, насколько он смог вспомнить, ничего больше в портфеле Фомина не было.

– Но он сказал – «копия», – уточнил капитан. – Копия чего?

– Ах это! – улыбнулась я. – Речь идет о копии аттестата за второй курс. Фомин просил принести ее вместе с этюдами.

– Зачем? – спросил капитан.

– А он не объяснил зачем, – пожала я плечами. – Наверное, учебой Роминой интересовался. Он же был его наставником в некотором роде... Разве Рома вам этого не говорил? У них с Фоминым были очень хорошие дружеские отношения. Они уважали друг друга. Согласитесь, сегодня это встречается не часто. Фомин видел вROME равного себе художника, ни больше ни меньше.

– Вот как? – сказал капитан с ноткой недоверия в голосе. – Ну, ладно... Пусть ваш Тихонов звонит, если что-то вспомнит о Фомине.

– Обязательно позвонит! – заверила я капитана. – Если вспомнит!

И, положив трубочку, в негодовании повернулась к Кряжимскому.

– Вы заставили меня врать, Сергей Иванович! – сказала я. – Объясните, черт возьми, зачем вам это было нужно? Что за игры вы затеваете с милицией?

– Игры?! – возмутился он. – Я, наоборот, хочу, чтобы она нос свой не совала туда, где ей делать совершенно нечего!

– Я – вся внимание! – сказала я Кряжимскому угрожающим тоном. – Жду ваших объяснений.

– Фомина убил человек, который хочет отыскать клад Разина! – заявил Сергей Иванович и посмотрел на нас как на малолетних недоумков. – А ключ к этому кладу содержится в картине, с которой Рома снял копию. Убийца забрал у Фомина копию.

Я недоверчиво покрутила головой, но ничего не сказала. Ромка смотрел на Кряжимского напряженно, но тоже молчал. Сергей Иванович, казалось, был доволен произведенным на нас впечатлением.

– Никакого краеведа на самом деле не существует! – сделал он еще одно заявление. – Есть какой-то неизвестный нам человек, который давно, надо полагать, одержим идеей найти разинские сокровища.

Кряжимский говорил так, словно ни на секунду не сомневался в реальности этих сокровищ. Но для меня эта идея звучала пока неубедительно.

– Он каким-то образом узнал о тайне этой картины, – продолжал Кряжимский. – Ему удалось установить, что картина скорее всего хранится в тех самых фондах художественного музея, которые в начале тридцатых были перевезены в него из краеведческого музея. Но самому ему отыскать картину никогда бы не удалось.

Дело это, сами понимаете, непростое, нужно перевернуть тысячи экспонатов, которые хранились в подвале самым, как я предполагаю, невообразимым образом, простите мне этот невольный каламбур. За тем, что происходит в музее, этот лжекраевед, без всякого сомнения, следил и ждал удобного момента, чтобы добраться до картины.

А тут такая удача – авария водопровода! И в музей направляется аварийная бригада. Я думаю, что под видом водопроводчика мог проникнуть в музей или сам этот человек, или его сообщник.

Его задачу облегчили Ромкины друзья из художественного училища, которые не решились выбрасывать то, что впрямую, как им казалось, относится к изобразительному искусству, но не умея отличить ценность от мазни, оставляли все подряд, что попадалось под руку, и складывали это куда-нибудь в одну кучку.

А разыскать в этой кучке нужную картину не так уж сложно. «Водопроводчику» это сделать удалось, но не удалось вовремя спрятать картину. Его с картиной в руках увидел Фомин и картину тут же отобрал. Это у людей его типа в крови, он старого воспитания был человек, уважал себя. Потому и продать картину не захотел.

«Водопроводчику» ничего не оставалось, как уйти несолоно хлебавши. Но теперь он наверняка знал, что интересующая его картина – в музее. Нужно было только каким-то образом извлечь ее оттуда.

И тут его осеняет гениальная мысль. Ему не нужна сама картина! Ему нужна только информация, которая в ней содержится. Значит, ему вполне достаточно и копии, верно?

Он вновь встречается с Фоминым, приняв меры к тому, чтобы тот его не узнал, или, прибегнув к помощи сообщника, представляется краеведом. Говорит, какая именно картина его интересует, и Фомин подтверждает, что действительно такая картина существует.

Тогда лжекраевед сплетает какую-нибудь правдоподобную историю о том, что ему необходима копия этой картины, так как знает, что продать ее Фомин не согласится, а действовать официальным путем – через директора музея – он не хочет. Есть опасность проколоться, да и вся эта его суета с картиной привлечет внимание. Не к нему, а главным образом – к самой картине, вот чего он боится.

Но больше всего он боится, что кто-нибудь догадается о том, что картина эта указывает путь к месту, где Степан Разин зарыл награбленные им сокровища.

Возможно, Фомин догадался о его истинных намерениях, за что и поплатился жизнью. А может быть, это была просто мера предосторожности, чтобы устранить единственного человека, который знал, что к картине кто-то проявил интерес. После убийства Фомина работу по расчистке подвала продолжит кто-то другой.

Картину скорее всего сожгут вместе с другим мусором, и на этом ее существование, как источника информации, прекратится. У него останется копия с указаниями о кладе, и он станет единственным обладателем этих сведений, эксклюзивным, так сказать...

– Как же единственным? – возразила я. – Копию-то делал Ромка!

– Но ему-то откуда об этом известно? – воскликнул Сергей Иванович. – Фомин не стал бы ему об этом говорить. Для него это была коммерческая сделка, и снижать ее стоимость рассказом о том, что он поручил изготовить копию недоучившемуся художнику-оформителю... Прости, Рома, но ведь со стороны это выглядит именно так! Так вот делать этого он наверняка бы не стал. А это может служить аргументом за то, что заказчику копии ничего о Ромке неизвестно. И, таким образом, его жизнь вряд ли подвергается сейчас какой-либо опасности...

– Хорошо, – сказала я. – В этом я, наверное, готова с вами согласиться. Все выглядит очень логично и на первый взгляд убедительно, хотя в вашем фантастическом рассказе полно белых пятен. Каким, например, образом этому вашему лжекраеведу вообще стало известно о существовании картины и о кладе?

– Ну знаешь, Ольга! – вздохнул Сергей Иванович. – Ты требуешь от меня невозможного. А именно, чтобы я построил тебе непротиворечивую модель действительности с учетом турбулентной природы нескольких индивидуальных судеб, о которых мне неизвестно абсолютно ничего, четко определил степень флуктуации предмета, о котором неизвестно даже, подлинный он или подделка, и наглядно представил тебе бифуркальный аттрактор конечного события, что невозможно в принципе, поскольку он существует только в абстракции, подобно логическим структурам.

У меня голова пошла кругом от этих терминов, я поняла только половину из того, что он сказал, но перед Ромкой мне этого показывать не хотелось, и я только кивнула головой. Но запомнила адресованную мне ехидную усмешку Сергея Ивановича, блуждавшую на его губах, когда он вываливал на нас с Ромкой все это.

– Если поверить в вашу гипотезу, – сказала я, – то этот человек, получив то, что рассчитывал получить от Фомина, отправится на поиски клада? А раз так, то мы сможем его найти.

– Кого? – спросил Кряжковский.

– Убийцу Фомина, – сказала я.

– А зачем нам это делать? – спросил он. – Думаю, что милиция справилась бы с этим делом гораздо успешнее нас. Они, в конце концов, профессионалы.

– Но вы же сами не дали Роме... – начала я возмущенно.

– Потому что искать нам нужно не убийцу Фомина, – сказал Кряжимский и сделал долгую эффектную паузу.

– А кого же, в таком случае? – не выдержала я.

– Не кого, а что! – заявил Сергей Иванович, глядя на меня заблестевшими глазами. – Клад! Сокровища Разина! Поэтому и не надо сообщать ни о чем милиции. После того как мы найдем сокровища – пожалуйста. Неужели вы думаете, что нам позволят этим заняться, если мы скажем истинную причину смерти Фомина!

– То есть – клад? – уточнила я.

– То есть – клад! – повторил он утвердительно. – Остается, правда, довольно сложный вопрос, как быть с этим лжекраеведом, который получил уже копию картины и отправился на поиски?

– Действительно, – иронично сказала я. – Наконец-то вы о нем вспомнили. Мы должны сообщить о том, что нам стало известно, капитану Барулину. Иначе это похоже на укрывательство.

– Ну это тыхватила, Оленька! – усмехнулся Кряжимский. – Ведь мы даже не знаем этого человека, о каком укрывательстве может идти речь. Мы можем подсказать следствию, как его можно найти, но это уже целиком зависит от нашего желания.

– Но он же – убийца! – возразила я. – Он же может быть опасен!

– Не думаю, чтобы он представлял опасность для окружающих, – сказал Сергей Иванович. – Он опасен только для тех, кто посвящен в тайну картины. То есть с этого часа – для нас троих. Но об этом знаем только мы. Он же по-настоящему опасен для нас станет только с того момента, как узнает об этом. И опять же от нас с вами зависит, как скоро такой момент наступит и наступит ли он вообще. Я бы сказал, только от нас и зависит.

Я покрутила головой. Возразить мне ему было нечего. С точки зрения формальной логики он был абсолютно прав.

– Сергей Иванович, – сказала я. – И вы серьезно предлагаете мне заняться вместе с вами и с Ромкой поисками этого мифического клада? Скажите, я сколько-нибудь похожа на сумасшедшую?

– А разве я похож на человека, выжившего из ума? – возразил Сергей Иванович. – Просто я больше вашего верю народным преданиям. Помните свидетельство профессора Мордовцева, что в Оренбурге сохранились устные рассказы об этой картине?

Я недоверчиво покачала головой.

– А вы спросите Ромку, – предложил Сергей Иванович. – Согласен ли он искать этот клад?

– Конечно, согласен! – воскликнул Ромка. Еще бы он был не согласен! – Я подумал... Мы же так и того найдем... ну этого, человека, который Дмитрича убил. А когда найдем, тогда и сообщим милиции.

Ромкины рассуждения показались мне не лишенными смысла. Поиски убийцы – занятие гораздо более соответствующее должности главного редактора газеты «Свидетель», специализирующейся на различного рода криминальных историях, которые мы сами и расследуем.

Признаюсь, я не верила в клад, зарытый Разиным, но вот в реальность существования убийцы, охваченного идеей поиска этого клада, я верила вполне. И заняться его розыском не казалось мне пустой тратой времени.

Но при этом совсем не обязательно лишать мой поредевший во время свадебного путешествия Маринки и Виктора коллектив романтической сказки о сокровищах кровавого волжского разбойника...

И не надо возмущаться, что таким эпитетом я величаю народного заступника Стеньку Разина. Он убивал и грабил ни в чем не повинных перед ним лично людей. Какими бы целями

и идеями он ни оправдывал убийства и грабежи, они не переставали от этого быть убийствами и грабежами.

Да и не уверена я, что были у него сколько-нибудь осмысленные цели и идеи. Но это уже мое личное мнение, и к истории, которую я собираюсь рассказать, оно никакого отношения не имеет.

– Раз вы проявляете такое единодушие по поводу наших ближайших редакционных планов, – сказала я, – то и я не стану отрываться от коллектива, а по своей привычке возглавлю его. Не возражаете?

– Нам наш возраст не позволяет составить тебе конкуренцию, – улыбнулся Сергей Иванович. – Поэтому принимается без голосования.

– Ну, значит, продолжаем совещание, раз уж оно так стихийно у нас началось, – сказала я. – Почему вы, Сергей Иванович, не беспокоитесь о том, что мы можем не успеть за тем человеком, который получил картину раньше нас? На целых полдня. Он, наверное, уже отправился в место, где спрятан клад?

– Это вряд ли, – возразил Сергей Иванович. – Картина не может содержать прямого указания на это место. Сведения наверняка зашифрованы и представляют собой какую-нибудь головоломку, или зашифрованную надпись, или символический рисунок, или ребус, над которым придется еще поломать голову, прежде чем мы поймем, куда нам следует отправиться. Именно поэтому я и не беспокоюсь, что нас опередят. Одной голове справиться с загадкой в девять раз труднее, чем трем, даже если она нас и опередила на целых полдня, эта голова.

– Но у нас же даже картины нет! – сказала я.

– Картины нет, но есть художник, который снимал с нее копию, да еще и переделывал эту копию, – показал Сергей Иванович на Ромку. – Неужели ты думаешь, что он не сможет восстановить сейчас хотя бы схематично эту картину? Рома, скажи честно, сколько тебе на это потребуется времени?

– Да десяти минут хватит! – воскликнул Ромка.

Мы отправили Ромку в соседнюю комнату, чтобы он мог там сосредоточиться и восстановить в памяти детали картины, а сами принялись за кофе с коньяком, причем я отдавала предпочтение кофе, а Кряжмский – французскому «Лагранжу». Я припомнила Сергею Ивановичу его мерзкую ухмылку в мой адрес и спросила невинно:

– Что это за заклинания вы на нас вывалили, Сергей Иванович, турбулентности там всякие и тому подобную абракадабру?

– Так это, Оленька, никакие не заклинания, – пожал плечами Кряжмский. – Это последнее слово науки в понимании логики событий. Нелинейная, знаете ли, динамика. Наука будущего. С ее помощью очень удобно представлять не только реальные процессы, происходящие в природе, ну, скажем, перемещения масс воды, воздуха или какого-то газа, но и в социальной, если можно так выразиться, жизни. Я думаю, из нее со временем выделится особая наука, что-то вроде нелинейной логики, то есть логики реальной жизни, которую в рамки формальной логики никогда затолкать не удастся, как ни много желающих это сделать.

– А пока она еще не выделилась, – сказала я, – с помощью вашей нелинейной динамики очень удобно удовлетворять свое уязвленное чем-то самолюбие и обслуживать свою гордыню, не правда ли, Сергей Иванович?

Кряжмский похлопал глазами, посмотрел на меня виновато и, вздохнув, сказал:

– Ну, Ольга Юрьевна, ну простите старика! Ну, поддался искушению, виноват. Хотелось мне выглядеть умнее и значительнее, чем на самом деле. Меня эта болезнь с детства преследует... Я ведь и сам, честно говоря, ничего не понимаю в этом. Блеснуть перед молодежью захотелось...

– Эх, Сергей Иванович! – вздохнула я. – Разве вам мало женской любви досталось? Я ведь вас и так люблю, не блестящего.

– Да сам-то я себя не очень люблю... – пробормотал Кряжимский.

– Но это ваша личная проблема, – мягко сказала я. – Зачем же решать ее за наш с Ромкой счет? Тем более что она таким образом все равно не решается.

– Права, Оленька, права, – сказал он, – прости старика.

– Готово! – сказал, входя в мой кабинет с листом ватмана, Ромка. – Я же сказал, мне и десяти минут вполне хватит.

Он положил на стол свое произведение. Мы все втроем сгрудились над рисунком.

– Да-а-а, – сказала я. – Художественная ценность не оставляет сомнений.

– Я-то тут при чем? – возмутился Ромка. – Я же предупреждал.

– А ты и ни при чем, – сказала я. – И вообще думай больше о деле и поменьше – о своих комплексах. А то так и будешь носиться с ними до самой старости, портить окружающим настроение и обижать своих друзей.

Кряжимский тяжело вздохнул, но промолчал.

– Поэтому не оправдывайся, – сказала я Ромке, – а давай-ка объясняй, что здесь такое изображено. Без твоей помощи нам с Сергеем Ивановичем вряд ли удастся разобраться.

– Значит, так, – сказал он с видом экскурсовода в Третьяковке. – На первом плане – фигура сидящего человека. Я сколько ни рассматривал картину, не мог понять, что за странная у него поза: ноги согнуты так, словно сидит на лавке или пеньке, но на картине ясно видно, что сидит он на ровной земле, на траве. Рядом с ним, чуть правее, лежат два человека, спят, правда, позы у них тоже неестественные. Руки у человека слишком уж длинные. Вернее, рука. Видно только левую. Она опущена вниз, кисть лежит на земле и вывернута очень странным образом. Человек сидит у обрыва, судя по масштабу изображения – очень высокого, но там масштаб вообще нигде не соблюден, поэтому обрыв может быть и маленький. Внизу под обрывом протекает какая-то речка. Не сказать, что широкая, так себе. Чуть дальше по течению, только не понятно – вверх или вниз, она разделяется на два рукава. Между ними остров с высокими скалами, хотя и ниже обрыва, на котором сидит человек. У острова нарисован корабль с веслами. На верхушке скалы – хижина. Все это в миниатюре, очень мелко. Ну, вот, собственно, и все... Ах да, наверху, в центре нарисована какая-то птица, то ли орел, то ли еще кто, я плохо птиц знаю...

– И это все? – спросила я удивленно. – Какие же сведения о кладе можно отсюда почерпнуть?

Кряжимский почесал себе затылок.

– Отсюда, пожалуй, никаких, – сказал он, показывая на Ромкин эскиз. – Но, боюсь, наш юный друг слишком поторопился и кое-что из важных деталей упустил.

Ромка посмотрел на него обиженно.

– Ну, вот здесь, например, – показал Кряжимский на пустое поле внизу, под фигурой сидящего на земле человека. – Здесь на картине что нарисовано?

Ромка сморщил лоб. Минуту помолчал, а мы ему не мешали вспоминать.

– Здесь что-то есть на картине, – сказал он смущенно. – Кусты нарисованы или трава. Не помню. Помню только, странные какие-то, и еще в рамочку обведены, которая касается руки вот этого самого человека.

Сергей Иванович поднял палец.

– Давайте-ка просто отметим для себя этот момент, обсуждать его пока не будем и пойдем дальше, – сказал он. – А вот здесь что?

Он показал на белое пятно в правом верхнем углу картины.

– А там и нет ничего, – уверенно сказал Ромка. – Это я совершенно точно помню. Там закорючка какая-то стоит, и все, остальное – чисто.

– Вот вам и второй момент, – заявил Сергей Иванович. – Совершенно ясно, что...

Он вдруг прервал себя и обратился с новым вопросом к Ромке:

– Рома, только честно... На той копии ты закорючку эту нарисовал?

– Нет, – покачал головой Ромка и покраснел. – Я подумал, что она только мешает, грязь создает. Я вообще думал, что ее кто-то нечаянно...

– Подожди, – перебил Кряжимский. – А вот эти кусты, в рамочке, ты как рисовал на копии?

Ромка стал совсем пунцовый.

– Ну, как... – пробормотал он. – Так, чтобы на кусты похожи были...

– То есть ты их один к одному, как говорится, не вырисовывал? – спросил Кряжимский. – Даже когда Фомин тебя заставил исправлять копию?

– Я голову перерисовывал, – проворчал Ромка. – И ноги с этой вот длинной рукой...

Кряжимский довольно засмеялся.

– Не оправдывайся! – воскликнул он. – Может быть, с точки зрения художника ты поступил и неправильно, непрофессионально, но с точки зрения кладоискателя, который хочет запутать конкурента, ты сделал совершенно верно. И теперь мы можем спокойно отправляться по домам и дожидаться завтрашнего дня, когда откроется музей и ты принесешь нам настоящую картину, которую мы тщательно и рассмотрим. А тогда уже решим, есть ли на ней какие-нибудь указания насчет клада и стоит ли нам тратить на его поиски время.

Мы с Ромкой согласились на это предложение без всяких возражений. Обсуждение, как оказалось, затянулось, и мы порядком устали.

Договорившись наутро встретиться у музея за десять минут до начала рабочего дня, мы разошлись. Я, конечно, уступила Ромкиным просьбам и разрешила ему переночевать у себя, благо квартира у меня позволяет это сделать без всякого неудобства для меня.

Глава 2

Я очень боялась, что капитан Барулин установит какой-нибудь пост в музейном подвале и у Ромки возникнут неприятности, когда он будет выносить картину из музея. Мы заранее обсудили, как он это сделает.

К моему удивлению, это не составило особой сложности. Картина была невелика, по Ромкиным словам, примерно 35 на 25 сантиметров – как чуть позже выяснилось, он ненамного ошибся. Ее легко можно было скатать в трубочку и сунуть в карман.

Сергей Иванович, с которым мы встретились около музея, высмеял мои страхи по поводу охраны подвала и уверенно заявил, что никакой охраны возле подвала не будет, Барулин, мол, в лучшем случае поставит только наблюдателя на входе в музей, да и то он, Кряжимский, никакого смысла в этом не видит.

Но нам с ним, на всякий случай, следует подальше держаться от музея, пусть Ромка сходит туда один. Если его станут спрашивать, зачем он пришел, ведь без Фомина все равно никакой работы не будет, Ромка должен сказать, что он оставил в подвале что-нибудь из личных вещей, например рабочую одежду, халат там, джинсы, рубашку, да все равно что. Ему непременно разрешат все это забрать.

Я не согласилась с Кряжимским. Если Ромка так скажет, а потом уйдет из музея без свертка, это может вызвать подозрение или, по крайней мере, недоумение. Пусть он лучше скажет, что забыл в подвале свое редакционное удостоверение внештатника. А сам принесет его в кармане и при выходе – покажет, нашел, мол. Тогда на это вообще никто не обратит внимания. А если обратит и сообщит при случае капитану Барулину, тот ничего не заподозрит, Ромкин визит за удостоверением только объяснит, почему он вчера оказался без документов.

Все прошло на редкость гладко. Мы с Кряжимским сидели в открытом кафе напротив музея и наблюдали за входом, поджидая Ромку. Признаюсь, я немного волновалась за него, несмотря на бодрое настроение Кряжимского.

Правда, меня постоянно преследовало ощущение, что за нами кто-то наблюдает. Я даже украдкой оглядывалась по сторонам, но ничего подозрительного не заметила и списала свою подозрительность на свое слишком развитое воображение.

Несмотря на мои опасения, ничего не случилось. Ромка появился в дверях музея, воровато оглянулся («Вот идиот! – подумала я. – Как нарочно, внимание к себе привлекает!») и прямо через дорогу направился к нам. Правый карман его широких брюк заметно оттопыривался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.